

ЭТНОЦЕНТРИЗМ И ПРОБЛЕМА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

И.В. Халанский

Рассматривается проблема влияния этноцентризма на центральноазиатскую интеграцию.

Ключевые слова: интеграция; этноцентризм; регионализм; идеология.

При обсуждении проектов создания единого центральноазиатского пространства возникает вопрос – существуют ли для этого реальные предпосылки? Сторонники скорейшей интеграции центральноазиатских государств полагают, что для создания такого пространства ряд необходимых предпосылок уже имеется, и главная из них – фундаментальный фактор – “общность исторических судеб” стран и народов региона.

Действительно, республики бывшей советской Средней Азии являются соседями. Но это ещё ни о чём не говорит. Таджикистан, например, в гораздо большей степени является соседом Афганистана и Китая, нежели Туркменистана и Казахстана. С первыми он имеет общие границы. При этом на государственном уровне проблем у Таджикистана с ними гораздо меньше, нежели с некоторыми постсоветскими соседями по региону, например с Узбекистаном или Кыргыз-

станом. К тому же, нынешние экономики стран региона никак нельзя назвать взаимодополняемыми. О родстве же культур можно говорить лишь в том случае, если они базируются на общей цивилизационной платформе [1, с. 177–184].

Культуры народов региона сегодня базируются, как минимум, на двух таких платформах – исламской и советской. Однако силы, способные определять развитие стран региона, упорно стремятся как можно дальше уйти от них обеих. Народы Центральной Азии разделяет также принадлежность одних к оседлой земледельческой цивилизации иранского типа, других – к тюркско-номадической. И в этом плане общего между ними не так много. Упоминание же об общем языке вообще носит двойственный характер.

Можно полагать, что имеется в виду русский язык. Но к нему в регионе отношение весьма специфичное. В его широком распростране-

нии очень многие автохтонные силы видят скрытую угрозу развитию процесса формирования постсоветской национальной идентичности. Соответственно, в регионе скорее настроены на то, чтобы этот язык постепенно сдал свои позиции, нежели получил дополнительный импульс к их усилению в рамках реализации интеграционных проектов. С другой стороны, например, таджикская элита склонна подозревать, что в планируемом едином интегрированном пространстве, преимущественно тюркском, за фразой об общем языке может скрываться стремление утвердить в качестве общего и какой-либо из тюркских языков.

Не все ясно и с “общностью исторических судеб” стран и народов региона. Тут, как минимум, надо определиться с тем, что же подразумевать под этой общностью. У руководителей каждой центральноазиатской страны, а от них в конечном итоге зависит судьба интеграционного проекта, имеется своё и далеко не схожее с другими видение и понимание этой самой “общности исторических судеб”.

Таким образом, возникает вопрос, в какой мере формирование единого интегрированного пространства действительно отвечает национальным интересам, скажем, Таджикистана или Киргизстана в обозримый период времени?

Для Таджикистана или Киргизстана создание интегрированного, без государственных границ, пространства в Центральной Азии, в условиях, когда процесс формирования современных титульных наций только-только начинает развиваться по-настоящему и завершится еще очень не скоро, чревато далеко не позитивными последствиями. В частности, возможностью распространения процесса “детаджикизации” и “декиргизации” территорий, исторически населенных таджиками и киргизами, но после национально-территориального размежевания Центральной Азии в середине 20-х гг. XX в. оставшихся за современными границами республик.

Создание интегрированного, т.е. объединившегося пространства в Центральной Азии обязательно будет сопровождаться не всегда добровольным отказом каждого из интегрирующихся государств от части своего суверенитета в пользу наднациональных органов. По мере развития интеграционного процесса эти органы будут стремиться к расширению своего влияния за счет передачи им национальными государствами все большей части своих полномочий. В условиях Центральной Азии скорейшая интеграция может привести к тому, что наднациональные орга-

ны будут отражать, прежде всего, национальные интересы государств, обладающих более сильными экономиками [2, с. 273–277]. С этой точки зрения Киргизстан или Таджикистан не смогут конкурировать ни с Казахстаном, ни с Узбекистаном, ни даже с Туркменией. Таким образом, поспешная интеграция в единое центральноазиатское пространство с позиции этнократически настроенной политической элиты Таджикистана или Киргизстана совершенно не отвечает понимаемым ими национальным интересам.

Можно считать и весьма проблематичной полезность немедленного развития интеграционных процессов для того же Казахстана, постоянно выдвигающего самые различные интеграционные проекты как страны, так и казахов как этноса. Одного лишь высокого уровня и динамики экономического развития недостаточно для обеспечения безопасности той или иной центральноазиатской страны как государства и, что особенно важно, для этнической безопасности ее титульного населения. В этом случае не меньшее значение имеет численность этого этноса, уровень осознания им своей этноцивилизационной идентичности и готовности ее защищать.

Население Казахстана составляет на сегодняшний день 16 млн человек. Из этого числа самих казахов около половины, причем большая часть этой половины испытывает явные проблемы с собственной этноцивилизационной идентичностью. И это при том, что соседи Казахстана имеют такие проблемы в гораздо меньшей степени, а для некоторых их вообще не существует. В этих условиях вполне возможна ситуация, что создание единого интегрированного пространства Центральной Азии может стать прелюдией для процесса этнического переформатирования самого Казахстана – “деказахизации” – в смысле утраты казахской частью населения республики своей этнической идентичности.

Сочувственное отношение ко всем формам региональной интеграции, с точки зрения этнократически настроенной политической элиты центральноазиатских стран, означает не что иное, как подрубание корней, питающих сам процесс создания и обеспечения дальнейшего развития национальных государств региона, под концепции национального возрождения, на основе которых возводятся сегодня здания государственности в странах Центральной Азии. Эти концепции, несмотря на всю их нечеткость и аморфность, являются практической, хотя и никак не формализованной, государственной идеологией всех центральноазиатских стран.

Основная их идея – это восстановление утраченной некогда государственности и восстановление преемственности между нынешним и прежним государством этого же этноса в период его наибольшего расцвета и могущества. Во всяком случае, именно так обстоит дело в Таджикистане и Узбекистане, политическая элита которых, когда говорит о восстановлении государственной преемственности, однозначно имеет в виду восстановление преемственности с государствами Саманидов и Тимуридов.

Необходимо отметить, что формирование национальных государств после распада СССР сопровождается коренным пересмотром истории, в ходе которого происходит отказ от ее коммунистической интерпретации. Замена державно-имперской модели на модель “национальной концепции” истории. В ходе этого процесса очень быстро сформировались национальные исторические школы, а национальные истории обрели статус официальных историографий. Однако большинство историков, сформировавшихся в советское время, по-прежнему рассматривают историю как идеологический инструмент, направляемый властями. Поэтому они без возражений стали обслуживать потребности новых властвующих элит, озабоченных легитимацией своего правления. В результате с середины 1990-х гг. и до настоящего времени появилось множество конфликтных ситуаций, связанных с этнократической интерпретацией войн и колонизации, с разделом исторического и культурного наследия.

В целом современную историю отличает явное усиление этноцентризма – исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания [3, с. 21–25].

Особое значение данная проблема имеет в странах Центральной Азии, поскольку “архитекторы” постсоветского раздела региона обосновывают свои инициативы прежде всего историко-культурными причинами. К этому можно было бы отнести как к неизбежной болезни роста новых независимых государств, если бы не ее исключительно серьезные последствия, в том числе рост напряженности во взаимоотношениях между государствами, нарастание конфликтного потенциала внутри региона, торможение региональной интеграции.

Уже обозначился комплекс основных проблем, связанных с формированием национальных историй в центральноазиатских странах, напря-

мую влияющих на развитие современной геополитической ситуации в регионе.

- История рассматривается, прежде всего, как национальная идеология или национальная идея, а исторический опыт истолковывается исключительно с этнонациональных позиций. В результате теряется научность, история перестает быть наукой, превращаясь в искусство, политику, публицистику. Учебники и учебные пособия по истории превращаются в политический инструмент для этнократически настроенной элиты.
- Делается гипертрофированный акцент на необходимости тотальной модернизации и устранения искажений в интерпретации истории. А поскольку в Центральной Азии до СССР не было национальных государств, а этнический компонент идентичности населения был значительно менее важен, чем конфессиональный, региональный или культурный, то написать этноориентированную историю не прибегая к искажению или фальсификации исторических событий, и явлений становится невозможным.
- Наличие различных методологических подходов историков в странах с тюркским населением – Казахстане, Киргизстане, Узбекистане, Туркменистане, где национальные истории разрабатываются как истории территорий. В этом случае культурным наследием того или иного этноса признаются все исторические имена и артефакты, имеющие отношение к территории его расселения. Разность методологических подходов в исторической науке наряду с национализмом априори создают почву для конфликтов. Опасность конфликтов, связанных с национализацией истории, осознают в политических кругах стран СНГ, в 2005 г. подписавших Декларацию “О формировании и развитии единого научно-образовательного пространства стран СНГ”. В конце 2005 г. в Москве состоялось Сопровождение руководителей исторических учреждений стран СНГ, на котором обсуждались проблемы учебников и учебной литературы, вызванные пересмотром истории в постсоветских странах. Было рекомендовано усилить роль сообщества академических историков в подготовке учебников, создавать экспертные советы из числа наиболее авторитетных ученых, преподавателей школ и университетов. Было принято решение о создании Ассоциации исторических институтов стран СНГ, о проведении семинаров молодых историков, программ обмена и стажировок

историков. Однако ощутимых результатов эта инициатива пока не имеет [4, с. 29–33].

Сторонники вестернизированных моделей интеграции, будь то советская модель или модель ЕС, когда говорят о создании единого центральноазиатского пространства, на деле ведут речь, прежде всего, об уходе от исламских корней нынешних государств региона. Сторонники же разного рода исламских моделей интеграции фактически не приемлют их национальной составляющей. В обоих случаях сторонники региональной интеграции приходят в жесткое столкновение с национально-возрожденческими идеологиями и главной их составляющей – идеей преемственности между нынешними национальными государствами и якобы национальными государствами прошлого. Для центральноазиатских государств создание какого-либо интегрированного пространства может иметь существенное значение лишь в том случае, если оно не будет представлять угрозы власти элиты титульного этноса.

Если подходить к данной проблеме с точки зрения этнократически настроенной политической элиты Таджикистана, то наиболее перспективным может считаться проект формирования интегрированного пространства, населенного таджиками и родственными ему этносами. В практическом плане речь может идти о развитии более тесных отношений между Таджикистаном, Афганистаном и Ираном. Эти страны имеют все то, в чем они нуждаются – энергоресурсы, природные ископаемые, коммуникации, обеспечивающие выход к морю, возможности для создания диверсифицированной экономики. Наконец, их действительно объединяют общая культура и язык. По мнению большей части таджикской политической элиты самым мощным фактором, мешающим развитию соответствующих процессов, является советское прошлое Таджикистана. Имеются определенные различия и в менталитете народов этих стран и в их политической культуре, также обусловленные советским прошлым республики и отношением к этому прошлому в Афганистане и Иране. Усиливающиеся связи, особенно на уровне бизнес-сообществ и элит, могут и, скорее всего, будут способствовать преодолению имеющихся различий и препятствий и формированию необходимых предпосылок, в том числе и психологических, по интенсификации двух- и трехсторонних связей. Становятся традиционными трехсторонние встречи на уровне различных министерств, парламентские саммиты и встречи глав государств Таджикистана, Афганистана и Ирана. По всей видимо-

сти, этот процесс получит еще большее развитие в ближайшем будущем.

Что касается формирования единого пространства Центральной Азии, тона наш взгляд, даже постановка такого вопроса не отвечает интересам политической элиты большинства центральноазиатских стран. Идея региональной интеграции может стать, в какой-то мере приемлемой лишь после трансформации центральноазиатских стран в развитые, самостоятельные, подлинно независимые и вполне состоявшиеся государства, с сформированной устойчивой национальной идентичностью. До появления этих необходимейших предпосылок, отношения между странами региона будут развиваться преимущественно на двусторонней и, в лучшем случае, трёх-четырёхсторонней основе, но без создания каких-либо наднациональных органов, наделенных сколько-нибудь значимыми самостоятельными полномочиями.

Следует отметить, что необходимость интеграции стран Центральной Азии никогда и никем под сомнение не ставилась, однако на практике решение этой проблемы представляется все более и более отдаленным, если вообще возможным по следующим причинам:

- остаются нерешенными проблемы государственных границ, подчас с неоправданно строгим пропускным режимом, которые на ряде участков вообще остаются заминированными. Плюс наличие этнических анклавов, существование которых – ещё один источник нестабильности;
- не находится быстрого решения водной проблемы. Теоретически водопользование могло бы явиться основой для постоянного продуктивного диалога, поводом для координации общих усилий и, в конечном счете, базой для бесконфликтного существования. Однако именно распределение и регулирование водных ресурсов оказывается объектом противоречий и используется в качестве средства давления;
- национально-государственные интересы преобладают над интересами региональной интеграции. Правящие элиты центральноазиатских государств часто отождествляют свои собственные политические и коммерческие интересы с национальными. Отношения между государствами зачастую напрямую зависят от отношений между их лидерами. Взаимная нестороженность и недоверие между ними очень часто осложняют межгосударственные отношения.

В 1990-е, и в начале 2000-х гг. предпочтительнее смотрелись позиции Узбекистана, который, по словам его президента Ислама Каримова, по всем своим показателям может достичь наиболее высокого положения в культуре, науке, технологии и экономике и стать интеграционным центром в Центральной Азии. Однако после мощного экономического рывка, предпринятого в последние годы Казахстаном, больше оснований заявлять о своих претензиях появилось у Астаны. В 2007 г. Казахстан предпринял несколько шагов по сближению с Киргизстаном, а также с вышедшим после смерти в 2006 г. Сапармурада Ниязова из изоляции Туркменистаном. И теперь президент Нурсултан Назарбаев говорит о том, что именно Казахстан может стать экономическим и финансовым центром Средней Азии и о возможности создания Союза среднеазиатских государств [5].

Однако вряд ли это будет способствовать общерегиональной интеграции. Трудно предположить, чтобы Таджикистан или Киргизстан чувствовали себя уютно “под крылом” Узбекистана или Казахстана. И уж, конечно, вряд ли кто согласится с ролью младшего брата. Проблема безопасности для каждой страны также решается почти исключительно на национальном уров-

не. В случае угрозы правящему режиму в той или иной стране вряд ли можно предположить, что соседи придут на помощь, мотивируя это необходимостью поддерживать стабильность.

Литература

1. Рашид Г. Абдулло. Интеграция Центральной Азии – кому это выгодно? // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы. Бишкек, 2007.
2. Джоробекова Г.Э. Векторы региональной экономической интеграции стран Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек, 2009.
3. Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная идея в историческом познании // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 2003.
4. Олимов М.А. Интерпретация национальных историй как препятствие региональной интеграции // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы. Бишкек, 2007.
5. Коммерсантъ-власть. М., 2007. 28 мая.